

ГОРЬКИЕ ДНИ НОУРУЗА

Небо голубое, голубое
Над горячей горною страной,
Солнце золотое, золотое –
Там, под ним, идет жестокий бой...

Виктор Куценко.
Из "афганской" песни

Последний раз он был в родительском доме осенью 1982 года. Острой болью врезалось матери в сердце прощание перед отъездом. Прежде чем сесть в машину, вспоминает она, крепко-крепко прижал к себе, слегка приподняв над землей, и, целуя, говорил:

– Мама, приезжай к нам в Вознесенск. На Севере у нас ты не была, а в Вознесенск приезжай. Обязательно приезжай.

Неужели сердце чуяло, что не увидятся больше?

* * *

Деревня Долматово Емельяновского сельсовета Кичменгско-Городецкого района. Обычная деревня российского Нечерноземья, в которую до недавнего времени и добраться-то было непросто. Обычная семья Большаковых.

Яков Васильевич в Великую Отечественную дошел до Берлина.

Лидия Васильевна в те годы трактористкой была, на пару с сестрой больше всех в районе среди женщин-механизаторов пашни поднимала. Не в диковинку ей был и комбайн – четыре года хлеба убирала. А потом в том же колхозе и дояркой работала, и свинаркой, овец кормила, в полеводстве трудилась.

Бабушка. Шестеро детей. Вася – третий из них. В таких семьях первая заповедь – жить дружно и работать не леняясь. И у Большаковых так было. Ребята по дому помогали, старшие за младшими присматривали. В лес ходили. В хороший год столько грибов наносят, что мать порой ругалась даже: “Куда с ними? Надоело сушить!” “А мы сами”, – не медлили ребята с ответом.

Вот только бабушка из всех внучат с самого раннего возраста почему-то именно Васю выделяла.

— Екатерина,— спрашивали ее,— чего это ты Ваську-то больше всех голубишь? Вон у тебя сколько внуков-то еще!

— Добрый он у меня растет. Люблю его,— отвечала.

Потом, когда она заболела, именно Вася ухаживал за ней особенно внимательно: с кровати поднимет, к столу обеденному дойти поможет, назад отведет.

Катились один за другим обычные школьные годы.

— Как сейчас, его вижу: сидит за последней партой у окна. Один из самых высоких в классе,— вспоминает его классный руководитель Валентина Ивановна Гоглева, учительница Емельяновской школы,— всегда спокойный, выдержаный, вежливый. На переменах мог, конечно, и побегать, пошалить. Особыми способностями, надо сказать, не выделялся. Но ничего плохого моя память о Васе не хранит.

— Учился по-среднему,— говорит отец,— Николай и Юля — эти лучше шли. Да мы, честно говоря, особого внимания и не обращали на их учебу. Ведь он домой после школы придет, и сразу: “Папа, а мама где?” Да вон, отвечаю, в поле за деревней работают сегодня. Он сумку школьную кладет и — за порог.

— А я его издалека замечу,— продолжает Лидия Васильевна,— рослый был, крепкий. Подбежит: “Ну-ка, мама, давай домой, у тебя ведь работы-то сколько!” Меня отправит, а сам останется и работает наравне со взрослыми.

Колхозный бригадир в летнюю страдную пору свой утренний разговор с Большаковыми начинал всегда примерно одинаково: “Велику ли бригаду сегодня на сено-кос пошлешь, Яков Васильевич?” Хозяин, взгляном посоветовавшись с женой, отвечал: “Да вот эти двое пускай дома остаются, а остальных забирай”.

Зной на покосе. Солнце палит в голубом небе. Давно уже утренняя роса высохла, овод гудит, в глаза лезет. Но работают еще косари, хоть и рубахи уже потемнели от пота и к натруженным спинам прилипли. Пот в глаза стекает, щиплет. А Василий будто только что косу в руки взял, будто просто шагает по лугу — не устал совсем. Посмеивается даже над теми, кто отстает. Ох и здоров парень! Первый косарь среди долматовской молодежи!

После школы решил в речное училище поступать. Что его туда толкнуло? Ни моряков, ни речников в семье не было. Может, земляков-речников наслушался? “Нынче

здесь, завтра там"? А может быть, смущали душу картины весенней навигации, когда летели по Югу, вниз по течению, от Никольска, буксиры и самоходки, и волны от них ударялись в глинистый берег словно морские...

Так или иначе, поступил Василий в Великоустюгское профтехучилище речников по специальности слесарь-судоремонтник. Ездила мать проводить его, спрашивала у мастера, как, мол, тут у вас Василий занимается? "Нормально,— услышала в ответ,— если есть у вас еще сыновья, и все такие же, то посыпайте к нам".

Две навигации провел Василий на архангельской реке Мезени. Лешуконское часто вспоминал — понравилось старинное таежное село. Нравилась ему и профессия речника.

— А ему все везде вроде хорошо было,— вспоминает Яков Васильевич,— не ленился, не спорил, не дрался даже, только усмехался ходил, если что-то у него не ладилось.

Пришло время, и принял Василий военную присягу. Служил во флоте, на Новой Земле. Письма домой приходили спокойные, бодрые. С таким характером и здоровьем военную форму носить не в тягость. А когда срок службы уже близился к концу, родители получили письмо, где сын просил совета: командование предлагало поехать в школу мичманов и остаться на сверхсрочную службу.

Что могли ответить ему отец с матерью? Хотелось, чтобы домой вернулся, но по тону письма увидели, что есть желание у Василия стать профессиональным военным. Не могли возразить, не стали на своем настаивать — взрослый уж, пусть сам решает.

И он решил. После окончания школы мичманов Василия снова направили на Новую Землю. Поехал уже с двумя звездочками, расположенными вдоль черного погона. Там вскоре и с Олей познакомился, которую призвала в Заполярье из теплой Херсонщины также военная служба.

И была свадьба. Приехали молодые в Долматово, и мать Ольги шепнула Лидии Васильевне: "Гляди-ка, сватья, какие хорошие деточки у нас с тобой!" Они и впрямь были хороши — рослые, статные, веселые. И молодым, наверное, казалось, что их счастью конца не будет,— ласковы, внимательны друг к другу.

...Каждый год приезжал теперь Василий в отпуск в родное Долматово. Чем занимался? Как и повелось — работой крестьянской, все больше с топором в руках: дрова заготовить ли, баньку ли новую срубить, соседке,

старушке одинокой, по хозяйству помочь – везде старалася успеть. Прежним остался – добрым, работающим.

В один из отпусков и сына Сережку привез. Любил его без меры. Все свободное время с ним возился. Пришлось однажды оставить малыша у деда с бабушкой, а самому на службу вернуться, и в первом же письме родителям написал: “Вот уехал от вас, а кажется, что Сережа и до сих пор сидит у меня на руках и обнимает меня...”

На службе дела шли неплохо. Василия наградили медалью “За безупречную службу” III степени.

А потом последовал перевод в Николаевскую область – с холодного Баренца на берега теплого Южного Буга. Семья пополнилась, родилась дочка, которую назвали тихим ласковым именем Яна. Продолжались воинские будни теперь уже прапорщика Большакова. И как-то приблизился вдруг Афганистан, где уже четыре года шла “спрятанная война”. Направляли “для оказания помощи дружественному афганскому народу” то одного, то другого сослуживца Василия. Он знал, что и стреляют там не понарошку, и потери есть. Думал ли о том, что и ему придется взять в руки оружие, но уже не на учениях?..

Из письма Ольги в Долматово:

“Мы надеемся, что Вася вам уже сообщил о новом месте службы. Нам как гром среди ясного неба Васино перемещение, так что и это надо пережить, а ведь нелегко. Как-то все неожиданно.

Поговаривали, что в Афганистан будут отправлять по прямой замене, но мы думали, что нас это не коснется, так как выслуги у него много, двое детей, причем дочка – до одного года, но...

22 февраля вызвали в штаб, 23 февраля в 11 часов дня приехал домой, а в пять вечера – с вещами в Одессу, т. к. 24-го – самолет на Ташкент.

Вот так и остались мы одни. Сейчас идет программа “Время”, и рассказывают про Афганистан”.

Да, много любопытного могло поведать ЦТ о природе, истории, культуре этой далекой страны, о мусульманских обычаях, обрядах, праздниках. Возможно, за девять лет хоть раз была показана и передача о том, как 21 марта отмечается в Афганистане Новый год – ноуруз. Описание праздника приведу в сокращении по книге известного знатока ислама Д. Е. Еремеева.

Празднование ноуруза наиболее широко и ярко отмечается в Иране и Афганистане, где, согласно официальным календарям, принятым в этих странах, в это время наступает Новый год. Эта дата – 21 марта – и называется ноуруз (дословно – “новый день”), так как приходится на весенне равноденствие, когда день уравнивается в своей продолжительности с ночью, а затем начинает его обгонять. Весна окончательно вступает в свои права. Поэтому ноуруз – праздник не только Нового года, а еще и прихода весны...

В Иране и Афганистане ноуруз – официальный праздник. Первые пять дней и тринадцатый день Нового года – нерабочие...

В отличие от нашего Нового года этот праздник встречают при полном свете дня, а не глубокой ночью...

Отдельно празднуется тринадцатый день ноуруза. Крестьяне выходят в поле, на луга, в рощицы. Во время этих своеобразных пикников едят сладости, пьют шербет – чтобы год был “сладким”, счастливым*.

В дни ноуруза наступает резкое потепление. Сходит снег. Крестьяне выходят на свои участки – обрабатывают землю, высаживают деревья: во время праздника считается обязательным немного поработать на земле.

В марте над окрестностями Кабула бывает удивительной синевы небо. Бушует настоящая весна. Как у нас в мае. Буйно цветет дерево, напоминающее нашу яблоню. А в полях и прямо около пыльных афганских дорог пламенеют тюльпаны, которые считаются здесь сорняками.

С самолета можно увидеть сказочно красивые горы – красные, синие, рыжие. И трудно поверить, что среди этой яркой под синим небом весны гуляет смерть.

Может быть, только лютый ветер “афганец”, налетающий по нескольку раз в день и несущий с гор тучи пыли, напоминает о том, что красота этих мест может стать порой и зловещей.

Было 23 марта 1984 года. Шумел на афганской земле третий день ноуруза. Чужой праздник на чужой земле...

По пыльной дороге, ведущей к Кабулу, мимо гор и развалин кишлаков в низинах двигалась автоколонна. Пыль из-под колес головного транспорта закрывала голубое афганское небо.

---

* Еремеев Д. Е. Ислам. Образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 222–225.

В кабине последней автомашины сидели трое. Оружие — под рукой на боевом взводе.

На впереди идущих машинах опасности не заметили. А колонну ждали. И ударили из гранатометов вначале по ее голове и хвосту. Машины вспыхнули. Прапорщик Большаков, сидевший крайним у правой дверки, выкатился из кабины первым и открыл ответный огонь из своего автомата.

А с заранее подготовленных позиций били прицельно, и пять душманских пуль остановили сердце высокого светловолосого русского парня.

Палящее око древнего солнца равнодушно взирало на выжженную землю. Ни телевидение, ни пресса не порадовали сообщением о том, что в дни ноуруза, как и полагается по мусульманским обычаям, не стреляли.

...1 апреля Лидии Васильевне понадобилось зачем-то сходить в баньку, что стоит рядом с домом. Когда возвращалась, ее окликнула почтальонка.

Прочитав телеграмму, мать без сил повалилась на потемневший под весенным солнцем сугроб...

* * *

Василий Большаков похоронен в далеком от Долматова Вознесенске Николаевской области. Рассказывают, что почти весь город вышел проводить солдата в последний путь.

В. Наволоцкий